

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сибирские Огни

Художественно-литературный
и научно-публицистический
===== журнал =====

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 2
Март—Апрель
1927

СИБИРСКОЕ
КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК

I Заметки о Семипалатинске.

И. Бурнов.

Когда нужно узнать город, как Птичьи Горы, опяняющий шумом и хаосом построек, и в вашем распоряжении три дня, не будьте смешны, как очарованный странник. Представьте, что вы—отряд, что вы берете улицу за улицей, переулок за переулком, изнемогая под тяжестью битвы.

У вас должен быть штаб (центральная система всякого боя)—записная книжка с прицелами в улицы и время, где даты и стратегические пункты, с которых вы обстреляете город, найдя новые разветвления, по-новому выросших фактов.

Но в провинции это вам не понадобится—вы будете в положении Дария, высадившегося на берегах Скифии. Семипалатинск не Птичьи Горы—Москва, он правильно обросстал слоями пыли всех времен.

Вы будете археологом, случайно попавшим в солнечную широкую равнину, где курганы стали обыденностью, и кость давнишней эры, высунувшаяся из песка, тронутая лишь любопытством теплых дождей, археологом, расспрашивающим детей—«Где дом Федора Михайловича Достоевского», так как этот город, в котором он жил 5 лет.

Земля, по которой ходил писатель,—пропитанный солнцем песок. Шагая, я искал той стороны горизонта, где дорога в Кузнецк, куда уезжал он, чтобы обручиться с женщиной. Он, конечно, тогда не спал, охваченный таковой *потом* неудавшейся любовью, и млечный путь и каждая травинка делали поправки в его становившееся мирозерцание.

В городе много каменных домов и мечетей. Когда на закате раздаются возгласы: «Правoverные, на молитву! На молитву, правoverные!», то эти крики (перевод мой) звучат вибрирующей, напряженной страстностью, переходящей в раскаты угрозы.

А правoverные киргизы идут с портфелями, поют песни, возвращаясь под ружьем, и только люди в чалмах опускают головы в ладони и будто вслушиваются. А иные простираются по земле, приникая к ней так, будто она на время становится индуктирующей плоскостью.

В деревнях Семипалатинск называют Семипалатным. Все вывески учреждений этого города написаны на языках двух народов. В Казакыздате есть книги и газеты, читаемые по-киргизски и по-татарски.

От прошлого в городе сохранились старинные постройки, казармы и тюрьма, повидимому, современница Достоевского. На этих же зданиях (наслоения всех времен)—«Религия—опиум для народа», «Мир хижинам, война дворцам»,—по-киргизски и по-русски, на стенах и на фундаменте, сохранившиеся от эпохи романтизма революции, когда она, нуждаясь в жизни, широко растворяла тюрьмы. Преступники делались верными бойцами революции. Распалые залзами, они отдавали свои жизни, оплодотворяя мятеж, как те самцы, что умирают, оплодотворяя.

Теперь наша эпоха приняла не менее героический стиль. Казакстан поражает своей деловитостью. Обучаются допризывники-киргизы в садах. Чувствуется спешка Азии, запоздавшей в веках. «Патрон», «осечкоотражатель», зловеще звучат в окружении киргизских слов. Эти юноши, не воевавшие с тех пор, как их предки сложили под курганы мечи (курганов вокруг Семипалатинска много), как дети, любят оружие.

Семипалатинск—старинный русский город. Степняки, по условиям быта, издавна не умели владеть городами. Даже во время нашествий они, как полая вода, сбывали обратно в степь, лужицами задерживаясь в предместьях. Коченникам принадлежали не города, а окружающая степь.

В центре, около торговых учреждений и базара пересекаются следы верблюдов и лошадей со всех сторон неба Казакстана. Здесь степняки—буквы разрезной азбуки,—мелькнет нужный человек и затеряется на годы в степи.

Семипалатинский базар живописен; громадные волю лежат на песке. Муки такое количество, что площадь напоминает развалины Афинского храма; кули-колонны сверкают ослепительно бело. Они сегодня приплыли по Иртышу на плотах. Толпа хребтами и отрогами теснится между лавок. Киргиз ведет медлительного верблюда. Верблюд—лебедь пустыни. Повороты его умной головы пленяют тонким изяществом движений. Даже в тележной упряжи он непосягаемо задумчив и горд.

Базар богат шерстью. Под навесом лавок щиплот эту шерсть, погружаясь в занятие скучное, как песочные часы. Торговцы книгами жалки; круги торгового водоворота их не достигают. Отсутствуют самые ходовые учебники; беллетристика разбита, как Дон-Кихот после сражения с мельницами; она—только какие-то случайные слухи о когда-то, где-то отшумевшей литературе.

Здесь особенно ясно, что Семипалатинск всегда был окраинной, тупиком. Сегодняшний поезд, незаметный, как лодка, приставшая к берегу океана, выбросил немного тихих людей.

Одно крыло базара—кумысные ряды. Заглядывая в кумысные, кафе и столовые, вы стали бы искать здесь недостающего человека для вынашиваемого рассказа, как на барахолке, среди железного старья, подыскивают ключ или гайку. Лишь глубокой осенью эта часть базара тиха, как русло реки, изменившей свое течение. Кумыса большие чаши-озера, осененные головами. Он (кумыс) стремительно толпится в горляшке опрокинутой четверти.

Вот также на закате, на зов: «Кроу, кроу»—кобылицы теснятся в ущелье и бегут к рукам доильниц, и селезенки у них играют так же, как этот кумыс: «Кроу, кроу».

Сегодня праздник. В каждый балаган зазывает музыка. Пальцы, что щипали верблюжьей шерсть, наполняя не один кудь, щиплот струны и бегают гребешки гармоник, как ветер бегаёт смеющийся ковыль. Чужая му-

зыка, она мучит, как порок сердца, цепляясь, как татарка за полы очарованного, воруемого хлеба с возов, Андрия. («Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны?»). Что мне она глиняная грация «Славянского танца» Дворжака, медлительно-величавая, как река,—славянская кровь, связанная татарами и барщиной?

Я полюбил чужие песни. Они играют, как горячие скакуны, полные кровью. Киргиз-импровизатор в неистовом возбуждении кричит песню, захлебываясь словами. В ней такое упоение жизнью, что кажется всадник скачет, сбрасывая на себя, как книги с полки, тонны чистого степного воздуха, скачет и орет будто обжигают слова, будто рубаха, развеваемая ветром, на нем горит.

Певца, как всадника, обскакавшего всех, бережно снимают с седла, целуют. Ударив по рукам, принимают новую быстролетную лошадь—песню. Все пьяны. Посреди стола гривенники чирикают, как воробьи, выкупая кумыс. Кумыс ходит кругом в больших и малых кесе. Ссоры вспыхивают и потухают, как грозы, освежая. Веселье дошло до предела. Оно шатко, как выскокая башня, а пьяные вздымают его диким ревом.

Частушки, играемые на гармониках, нежны и кратки. Будто девушка торопилась, торопилась рассказывать и, неожиданно для себя, оборвалась грустной ноткой; и снова опять степь протянулась во всем своем тягостном однообразии. Рассказывать оказалось нечего: степные годы бедны событиями.

Перед закатом я посетил дом Достоевского. Это типичный мещанский домик. Комната писателя во втором этаже, угловая. Мне разрешили в нее заглянуть. В чужой комнате, где было нечего делать, я медлил уходить, охваченный обаянием места. Может быть, между половицами затаилась соринка его удивительной жизни. Дом покупается государством. Сейчас, возвращаясь к нему в воспоминаниях, я думаю, что величие люди еще при жизни для далеких от них становятся отвлеченными символами.

Настигнутый правдой воспоминаний, я хотел бы спросить, подобно Гамлету перед черепом Иорика: куда исчезла неприглядная внешность... пуговицы его смешного мундира на фотографии, снятой в Семипалатинске... раздражительный характер, тяготивший современников? Исчезновение всего этого сохранило во всей чистоте его сущность.

Земля умывается смертями. Великие старики, в конце-концов, нам только бы мешали, как мастодонты, случайно дотянувшие существование до наших дней.

Хозяин дома проводил до ворот. Я пошел к Иртышу. Верблюды стояли у парома реки, которой кончается роман о Раскольникове. Между Павлодаром и Семипалатинском показывают заброшенные копи, где работал Федор Михайлович.

Настроение тех пустынных берегов тождественно с концом «Преступления и наказания». Эта земля, как отдыхающий после тягостного прошлого Раскольников. Оступаясь по склонам, я осypал груды камней ее покинутых разработок (по берегам Иртыша бесчисленное количество сопок тронуты разработкой). Трудная каменная земля. Каждый последний удар кирки остается запечатленным на 90-100 лет, а партии ссыльных сошли, как сон, виденный жнецом в изморивший на работе полдень. Я благоговейно касался ссадин руками.